

Дин Мо жил в той же стороне, что и Тан Шаочуань. Расплатившись за ужин, он поехал вместе с ним, поймав попутку. Лю Сымянь тоже собирался вызвать такси, но Гуань Хаобинь упрямо настоял, что подбросит его. Делать было нечего — пришлось забираться в его машину.

Квартира Лю Сымяня была неподалеку от магазина его матери. Гуань Хаобинь ехал уверенно, словно по хорошо знакомому маршруту, и доставил его в мгновение ока. Сымянь тут же включил режим льстеца и принялся всю нахваливать его феноменальную память — надо же, заглянул всего разок, а дорогу запомнил назубок.

— Мой старик отхватил тут пентхаус, на самом верху. Если не торопишься, может, поднимемся на чашку чая? — предложил Сымянь, когда машина припарковалась у подъезда. Из элементарной вежливости пригласить гостя все-таки стоило.

— А давай. За ужином пересолили, во рту прямо пересохло. Чай-то у тебя найдется? — Гуань Хаобинь скромничать не стал. Прежде чем Сымянь успел зашевелиться, он уже толкнул дверцу и выбрался наружу.

— Найдется, конечно. Какими бы бедняками мы ни были, а кипяток в доме всегда есть.

Сымянь послушно пошел следом, хотя на душе у него кошки скребли.

«Матушка моя дорогая, — мысленно взмолился он, — только бы ты не устроила перед отъездом погром, собирая вещи, и не оставила мне разгребать этот бардак!»

Поднявшись наверх и отперев дверь, Сымянь с облегчением выдохнул. Пронесло. Видимо, матушка сжалилась над его покалеченной рукой и перед уходом прибралась — квартира выглядела вполне прилично.

— Ого, а у тебя тут просторно! — едва переступив порог, присвистнул Гуань Хаобинь.

— Да брось ты. Это кооперативная квартира, отцовское предприятие строило. Мы просто доплатили немного при распределении, чтобы урвать этот верхний этаж.

«Издеваешься, что ли? — мысленно усмехнулся Сымянь. — Будто я у тебя дома не был. Там ремонт — чистый императорский дворец, все золотом так и сверкает. По сравнению с твоими хоромами моя берлога — сущий свинарник».

— Получается, все соседи снизу — коллеги твоего отца?

— Раньше так и было. А потом многие продали квартиры и разъехались кто куда, понакупили домов в новостройках. Сейчас на все пять-шесть здешних корпусов едва ли наберется пяток отцовских коллег.

— Значит, раз отец съехал в деревню, вся эта роскошь теперь твоя? — Гуань Хаобинь с любопытством вытянул шею, разглядывая прихожую.

— А куда ему деваться? Сын-то у него один, наследник, — усмехнулся Лю Сымянь.

— Ишь какой, еще и прибудняется, — фыркнул Хаобинь и бросил взгляд на лестницу. — По дому-то пройти разрешишь?

— Гостям всегда рады. Пойдем, провожу наверх.

— Постой, а почему здесь так пусто? Такая площадь — и ни одной комнаты, — удивился Гуань Хаобинь. Второй этаж действительно оказался совершенно пустым: если не считать крошечного санузла в углу, здесь не было ни стен, ни перегородок.

— Это наш личный тренировочный зал. Отец потому и настоял на пентхаусе — ради этого пространства.

— А-а, тогда понятно. — Гуань Хаобинь подошел к стене и взял в руки длинный холщовый пояс, утыканный небольшими прямоугольными кармашками. Рассматривая его так и сяк, он в недоумении спросил: — А это зачем?

— Утяжелители для ног. В эти кармашки набивают песок, чтобы развивать силу удара.

— А та жуть зачем? — Гуань Хаобинь указал на деревянную планку, из которой, словно частокол, торчали острые бамбуковые шпажки.

— Выносливость ног тренировать.

— Это каким образом?

Лю Сымянь подошел ближе и, задрав ногу на уровень пояса прямо над планкой, показал:

— Раньше отец засекал время. Ногу положено держать на весу строго до звонка. Если расслабишься и опустишь раньше срока — сразу напорешься на эти бамбуковые колышки.

— Жестоко у вас тут, — с сомнением покачал головой Гуань Хаобинь, осторожно потрогав пальцем острую бамбуковую щепку.

— Смысл мне врать? Не будь он зверем, разве сломал бы мне руку? — Лю Сымянь с горькой усмешкой кивнул на свою перевязь.

— И часто напарывался?

— Без этого никак, — рассмеялся Лю Сымянь. — Даже твой кумир, мой второй брат Лю Сии, и тот не раз кровью исходил на этих палках.

— Мазохисты вы, честное слово.

— Это еще цветочки, бывали вещи и пострашнее, — пожал плечами Сымянь и принялся водить гостя по залу, коротко объясняя назначение каждого снаряда.

— Уму непостижимо, — качал головой Гуань Хаобинь. — Теперь понятно, почему вы такие монстры в бою. Права пословица: без муки нет и науки.

Хаобинь с искренним восторгом рассматривал тренировочную утварь. Он невольно поразился смекалке предков клана Лю: ни один из этих снарядов невозможно было купить в обычном спортивном магазине. Все до последнего было сделано вручную из подручных материалов — брезента, железа, бамбука, дерева, речных валунов и обычного песка. Кое-где на полках красовались даже глиняные тазы и стопки фарфоровых тарелок, предназначение которых ставило полицейского в тупик.

— Хочешь, покажу в действии? — спросил Сымянь.

Хотя Хаобинь вечно строил из себя тихоню и маменькиного сынка, Сымянь прекрасно знал, что в глубине души тот грезит боевыми искусствами. Тайком от родителей он частенько кланчил у него уроки, разучивая эффектные, хоть и бесполезные в реальном бою стойки.

— Избавь меня от этого зрелища. Ты сейчас инвалид на пол-ставки, куда тебе прыгать? Вот заживет рука, тогда и покажешь класс, — беззлобно съязвил Хаобинь.

— Может, сам разомнешься? А я со стороны погляжу, ошибки подправлю.

— Как-нибудь в другой раз, — вздохнул Хаобинь, неохотно отрывая взгляд от разложенных диковин. — Пора мне. Если задержусь, предки с ума сойдут от беспокойства.

— Ты до сих пор отпрашиваешься у мамы с папой? — удивился Лю Сымянь. В душе он посмеивался: мужику уже перевалило за двадцать, а ведет себя как нецелованный школьник.

— Естественно. Зачем трепать им нервы понапрасну? — ничуть не смутившись, отозвался Хаобинь.

— А когда у тебя ночная смена, они что, тоже рядом караулят? — рассмеялся Сымянь.

— Ого, а ты откуда знаешь? — удивленно обернулся Хаобинь, уже начавший спускаться по лестнице. Судя по его лицу, Сымянь попал не в бровь, а в глаз.

— Да ладно тебе, шутишь же, — опешил Сымянь.

— Ха-ха, ну, ночные смены у меня редко бывают. Вообще это все мамина инициатива. Раньше, когда отец еще работал и вечно пропадал по делам, ей дома одной скучно было. Вот она и повадилась составлять мне компанию на дежурствах. А когда отец вышел на пенсию, она и его за собой утащила. — Хаобинь неловко почесал затылок. — Говорят, им просто нравится смотреть, как их сын несет службу, а потом вместе прогуливаться до дома под луной.

— Ну и везет же тебе, брат. Завидую белой завистью. А ты посмотри на меня — калека калекой, а кручусь сам по себе.

«Ну и гиперопека, — мысленно усмехнулся Сымянь. — Это уже каким-то безумием пахнет. Изнежили парня совсем».

— И то правда... А как ты вещи стираешь? Одеваешься-то как? — заволновался Хаобинь.

— Не бойсь, одна-то рука у меня работает. Что, неужели молодой господин Гуань готов проявить милосердие и лично помыть мне ножки? — не удержался от двусмысленной подначки Сымянь.

— Раскатал губу! Если хочешь, чтобы тебя с ложечки кормили, женись поскорее, — буркнул Хаобинь, и он слегка покраснел.

— Да я только за. Но где же ее взять, единственную-то? — Сымянь уставился на Хаобиня долгим, затуманенным нежностью взглядом.

— Ты бы планку снизил, сразу толпа набежит, — проворчал Хаобинь.

«С ума сошел, что ли? — занервничал он про себя. — Чего он вылупился так странно? Неужели ждет, что я ему невесту сосватаю? Да чтоб ты всю жизнь бобылем прожил! Стоит тебе жениться, и мы нормально даже посидеть не сможем — придется у твоей бабы разрешение выклянчивать».

— Уже убегаешь? — спросил Сымянь.

Хаобинь наклонился, чтобы зашнуровать туфли. Ворот его рубашки скользнул в сторону, приоткрыв соблазнительную белизну шеи и ключиц. Лю Сымянь почувствовал, как в горле мгновенно пересохло, и судорожно сглотнул.

— Ну все, пока! — выпрямился Хаобинь, весело помахав рукой на прощание. — Заживет твоя клешня — приеду посмотреть показательное выступление великого мастера!

Прежде чем Сымянь успел хоть что-то вставить, дверь захлопнулась. Он растерянно уставился на запертый замок, и тут до него дошло: постой-ка, этот изнеженный господин ведь ныл, что его замучила жажда, и напрашивался на чай! А в итоге ушел, даже воды не попив. Неужели он напросился только ради того, чтобы поглазеть на его скромное жилище?

Сымянь окинул взглядом гостиную так, словно сам оказался здесь впервые. Ладно, раз уж у него образовались внеплановые каникулы, почему бы не затеять генеральную уборку? Отдраить все до блеска, чтобы в следующий раз перед молодым господином Гуанем в грязь лицом не ударить. Стоп... Одной рукой он тут наубирается, конечно. Как быть? Эх, ладно, придется раскошелиться и вызвать клининг на пару часов.

От этой мысли на душе у Сымяня сразу полегчало. Решив сделать хоть что-то полезное, он кое-как пристроил швабру подмышку здоровой руки, но тут мысли его предательски вильнули в сторону.

«А ведь кожа у него и правда невероятная... — заново переживая недавнюю сцену, мечтательно прищурился он. — Настоящий барчук. Каждый божий день торчит на солнце, регулирует движение, а лицо и шея белые, будто он из спа-салонов не вылезает. Какое несправедливое распределение генов — у меня кожа как наждак, а у него... Интересно, пониже воротника он такой же гладкий? Наверняка у него все тело нежное, как дорогой шелк. Эх, поддержать бы это чудо в объятиях — за такое и десять лет жизни отдать не жалко!»

Размечтавшись, Лю Сымянь замер посреди прихожей с глупой улыбкой на лице, совершенно позабыв про уборку.

Пока Сымянь предавался сладким грезам, виновник его фантазий катил по ночным улицам в отличном настроении. Гуань Хаобинь беззаботно мурлыкал под нос какую-то легкомысленную мелодию и крутил руль, наслаждаясь тишиной.

Радость действительно оказалась заразительной. Стоило Хаобиню переступить порог родного дома, как навстречу ему вышла мать, Тан Лань, сияющая так, словно выиграла в лотерею.

— Мамуль, ты сегодня на улице клад нашла, что ли? — весело спросил он, протягивая ей куртку.

— Почти угадал, сынок, — загадочно улыбнулась Тан Лань.

— Ого, серьезно? Ну-ка, покажи, — тут же превратился в любопытного ребенка Хаобинь.

— Ишь какой шустрый! Нет уж, прямо сейчас не покажу, да и не принесешь это сюда. Вот выберешь свободный день, мы с отцом отвезем тебя на место, сам все увидишь, — Тан Лань с нежностью ущипнула любимого сына за аккуратный нос.

— Вы что, билеты в театр раздобыли? Нашли новую приму шаосинской оперы? — рассмеялся Хаобинь, уходя в гардеробную переодеться в домашний костюм, а оттуда направляясь в ванную умыться.

— Какой еще театр! Ты же оперу терпеть не можешь, для тебя каждый поход с нами на спектакль — сущая пытка, — донесся из коридора смеющийся голос матери. Она встряхнула его куртку и, аккуратно вешая ее на плечики в просторном шкафу, добавила: — Мы с отцом сегодня полдня провели в районе Учжоу. Невесту тебе искали!

— Не... невесту? — Хаобинь едва полотенце из рук не выронил. Он быстро вытер лицо и устремился следом за матерью. — Но почему именно туда-то понесло? Там что, рассадник неземной красоты?

— В наше время порядочную и скромную девушку днем с огнем не сыщешь. Вот мы и решили попытать счастья в студенческом городке, — Тан Лань так и лучилась гордостью, довольная произведенным эффектом. Район Учжоу был сердцем академической жизни Цинюаня: там располагались все ключевые вузы города и пара элитных лицеев.

— И где вы устроили засаду? В университетских кампусах или у ворот семнадцатой школы? — Хаобинь диву давался бурной фантазии своих предков.

— Скажешь тоже! Конечно, в университетский городок, — раздался добродушный смех с лестницы. Из кабинета как раз спускался глава семейства, Гуань Цзюньсун. — Ты у нас, конечно, парень видный, но заглядываться на школьниц — это уже статья. Хочешь, чтобы мы с матерью пошли на соучастие в совращении малолетних?

— Молчал бы лучше, раз ничего умного сказать не можешь! — притворно нахмурилась Тан Лань, шутливо ткнув мужа локтем. — Какое еще «старое дерево»? Мой сын — молодой, красивый мужчина! Школьницы просто действительно еще слишком зеленые, а так — почему бы и нет? Наш Бинь-бинь такой ладный, такой свежий... Выглядит точь-в-точь как вчерашний выпускник, максимум лет на восемнадцать тянет.

— И как выглядел этот ваш кастинг? Ловили за руку каждую симпатичную студентку и спрашивали напрямую: «Девушка, замуж не хотите?» — у Хаобиня голова пошла кругом от подобных перспектив.

— Тонкости нашей спецоперации тебя не касаются, у нас свои каналы и методы, — загадочно ухмыльнулся Гуань Цзюньсун. — Главное — мы проведем первичный отбор, составим список, а ты потом пройдешься по кандидаткам. Уверяю, без невесты не останешься.

— Прямо смотрины во дворце императора, — поморщился Хаобинь. — Отец, ты как на пенсию вышел, совсем делом заниматься перестал? Зачем ты мамины безумные затеи поддерживаешь?

— Ах ты неблагодарный! Твоя женитьба — это сейчас главная государственная задача! — Гуань Цзюньсун с ухмылкой легонько щелкнул сына по уху. — И не надо тут строить из себя оскорбленную невинность, знаем мы тебя — небось в душе от предвкушения прыгаешь. Давай, не ленись, найди мне парочку своих приличных фотографий. Те огромные художественные портреты, что у нас на стенах висят, тащить с собой как-то не с руки.

— Да вы шутите, — простонал Хаобинь, не зная, плакать ему или смеяться. — Вы еще предвыборную кампанию запустите! Может, сразу в студенческом городке рекламные баннеры с моим лицом развесить?

На стенах их дома действительно висело несколько огромных художественных фотопортретов Хаобиня. Если раздавать такие потенциальным кандидаткам, это и правда будет выглядеть как пиар-акция американского президента.

— Ну да, те портреты великоваты, согласен. Так что поищи обычные снимки, три на четыре, — с абсолютно серьезным видом кивнул Гуань Цзюньсун.

— Это просто невыносимо! Вы же меня опозорите на всю округу! Как мне теперь на улицу выходить? Все, завтра же пишу рапорт об увольнении, ноги моей больше в полиции не будет! — взбунтовался Хаобинь.

— И отлично! Давно пора. Будешь помогать мне приглядывать за твоим непутевым кузеном Тан Шаочуанем, а то он со своими делами совсем от рук отбился, — обрадовался отец. Такой поворот событий его более чем устраивал.

— Глупый ты еще, — ласково потрепала сына по щеке Тан Лань. — Неужели ты думаешь, что у твоих родителей нет чувства такта? Все проходит строго конфиденциально, комар носа не подточит. От тебя требуется только одно — вовремя брать у начальства отгулы.

— И что... неужели уже нашли кого-то приличного? — ворчливо поинтересовался Хаобинь, выдавая свое невольное любопытство.

— Ага, заерзал! А говорил — не надо, — раскатисто рассмеялся Гуань Цзюньсун. — На примете есть трое, все умницы-красавицы, но мы пока наводим справки. Вот для этого нам и нужны твои карточки — девчонкам ведь тоже надо на тебя посмотреть, оценить жениха.

— И откуда они? Из каких вузов? — Хаобинь почувствовал, как у него начинает слегка кружиться голова.

— Одна из Университета науки и технологий, вторая из Университета Цинюаня, а третья — из

Академии финансов, — с гордостью отчеканила Тан Лань. — Мне кажется, та, что из Университета науки и технологий, тебе понравится больше всех. Редкая красавица, а уж воспитание — просто загляденье. Вежливая, скромная, держится с истинно девичьим достоинством.

— Да уж, вам бы в министерстве госбезопасности служить, цены бы не было. С вашими талантами мы бы давно все шпионские сети раскрыли, — хмыкнул Хаобинь.

— Из сотен нормальных профессий тебя занесло именно в полицию! Мало того что работа каторжная, а платят слезы, так у тебя из-за дежурств времени на личную жизнь вообще не остается! Если бы мы с отцом не взяли инициативу в свои руки, ты бы до седых волос холостяком проходил. А умные люди пишут: детей нужно заводить пораньше, тогда и наследники будут крепкими да смышлеными, — Тан Лань победоносно улыбнулась.

— Очередные бредни дутых специалистов, — буркнул Хаобинь. — Но я вас сразу предупреждаю: ни в какой университетский кампус я не поеду, и не просите. Хотите устроить смотрины — привозите девушку прямо сюда, к нам домой.

— Само собой, только так! С нашими-то возможностями... Будущей невестке ни о чем беспокоиться не придется: захочет — устроим на престижную должность, не захочет — пусть дома сидит и собой занимается. Главное — наш сын просто золото. Стоит тебе дать согласие, и любая девица будет на седьмом небе от счастья, — с абсолютной уверенностью заявила Тан Лань.

— Ты меня слишком идеализируешь, — вздохнул обреченно Хаобинь.

— А у меня в этот раз предчувствие отличное. Все пройдет как по маслу, помани мое слово, — весело подмигнул отец.

— Дай-то бог, — негромко отозвался Хаобинь, но на душе у него внезапно заскребли кошки.

Похоже, это и впрямь единственный выход. Его чувства к Лю Сымяню были странными, нелепыми и пугающими. Он ведь не может вечно обманывать себя и надеяться на чудо. Родители никогда в жизни не примут такого. Да и сам Сымянь... Если он хоть краем уха узнает, какие мысли крутятся в голове его друга, их общению придет немедленный и грязный конец. Сымянь просто возненавидит его и, скорее всего, одним точным ударом ноги отправит прямиком в Тихий океан.